

Н. Карлина

Образ российского вольтерьянца в романе В. Аксёнова «Вольтерьянцы и вольтерьянки»

О тдавая должное заслугам Русской православной церкви в распространении идей антизападничества¹, Василий Аксёнов, в процессе чтения курса «Два века русского романа» (в Вашингтонском университете Джордж Мэйсон), обнаружил еще один их источник, литературный.

Живя «между Биаррицем и Москвой», В. Аксёнов написал «старинный роман» «Вольтерьянцы и вольтерьянки» (2004). В этом аксёновском романе, как и в романах XVIII века, главным «предметом раздумий» романиста и его героя (также романиста) является «анализ соотношения "книжно-романического" и жизненного»². Устами своего персонажа, великого Вольтера, автор выражает уверенность в том, что «утопические романисты... иной раз больше пользы принесут, чем какой-нибудь ревностный прогрессист с горящим взором».

Роман «Вольтерьянцы и вольтерьянки» представляет собой некую нарративную матрешку. Автор романа Василий Павлович Аксёнов создал образ российского энциклопедиста Ксенофонта Петропавловича Афсиомского, «известного в Европе под именем Конт де Рязань», «одной из наиболее загадочных личностей екатерининской эпохи, шпиона, писателя и путешественника», который написал (не без аллюзий на свою собственную персону) знаменитую повесть «Земные и внеземные шествия Ксенофонта Василиска».

Ксенофонт Василиск назван в романе «"альтер эго" Афсиомского». Но ведь и сам Афсиомский — «альтер эго» автора. Таким образом, три столь похожих имени принадлежат трем российским писателям и общественным деятелям, структурирующим свои отношения с властью в разные века и стремящимся «европейское поставить в параллель с национальным». Как и у самого Аксёнова, у графа «с историей были весьма сурьезные отношения», он «мнил себя только как деятель оной» и «начинал мизантропствовать», «пребывая аж третий день вне истории».

По масштабу личности и участию в цивилизаторской деятельности граф Афсиомский сопоставим с министром Г. Р. Державиным, в истории и поэзии «видевшим победу над временем». Просвещенный придворный, Г. Р. Державин «потрудился много, любил историю и Россию, сам стал историей и Россией»³. Афсиомского, по его собственной оценке, «вся Европа знает как завязатого вольтерьянца», «ведь старинну-то барщину» он «давно уж оброком легчайшим заменил». Эта реминисценция из «Евгения Онегина» ставит Афсиомского в ряд передовых дворян Российской империи, которые заменяли барщину оброком в собственных имениях⁴, подготавливая тем самым отмену крепостного права и приобщение России к цивилизованным странам.

Вероятно, по причине включенности в историю цивилизаторская деятельность Афсиомского (как, впрочем, и самого Аксёнова) не могла быть обделена вниманием власти. Служивший верой и правдой Екатерине II, герой романа, «разочарованный равно и в родине неблагодарной, и в тщеславной Франции», был выслан за границу после смерти императрицы.

В. Аксёнов при Сталине был арестован в пятилетнем возрасте после ареста матери Л. Гинзбург (впоследствии — автора «Крутого маршрута») и отца (председателя горсовета Казани). Хрущёв вернул его родителей из сталинских лагерей, Брежнев лишил его советского гражданства, которое вернул ему уже Горбачёв. К его 75-летию президент Татарстана М. Шаймиев принял решение отремонтировать и подарить дом знаменитому казанцу (в этом доме В. Аксёнов прожил с пяти до шестнадцати лет). По решению самого «джазового джинсового Аксёнова» (Б. Ахмадулина) дому этому предстоит превратиться в культурный центр, где будут звучать джаз⁵ и поэзия⁶. Таким образом, Василий Аксёнов навсегда включен в историю нашей страны.

Слова «европейское», «французское» и «качественное» давно являются синонимами в русском языке. Невероятно работоспособный «семидесятилетний вьюнош» В. Аксёнов, изучающий французский язык, не может не вызывать уважения. Ведь во Франции он представляет передовую, то есть «вольтерьянскую» Россию⁷, а «свойство понимать по-французски» «было серьезнейшим мериллом для Конта де Рязань». (Здесь необходимо заметить, что отец Василия Аксёнова был родом из Рязанской губернии.) Намеки и оскорбления в адрес Афсиомского со стороны некоего «славянолюбивого князя», «поющего осанну замшелому патриархальному укладу» и «отторгающего просвещенный идеал», очень актуальны для Аксёнова, в адрес которого нередко раздавались подобные упреки: «Да ты, Ксанка, рязанский лапот, совсем, я вижу, обжидомасонился», «хоть ты и граф, да не лотарингский, а рязанский». Афсиомского, как и Аксёнова, другие писатели традиционно причисляют ко «всяким там энциклопедистам нерусского рода, коим свойственна нахальная арроганация (самонадеянность. — Н.К.)». В ответ

Афсиомский — «альтер эго» Аксёнова — «вслед за учителем и другом Вольтером повторяет: "Сокрушим лицемерие!"»

Как и автор романа, «Афсиомский, слуга музыки Клио, сиречь Истории, полыхал искренней страстью к европейскому просвещению и либеральной терпимости». Всему творчеству Аксёнова присущ цивилизаторский пафос. «Всех на защиту цивилизации», — призывает он, убежденный в том, что мы живем «в период Ренессанса, расцвета западного образа жизни», составляющими которого являются «и плюрализм, и толерантность, и капитализм, и век философов». Но «против сражаются антиренессансные силы, и с ними необходимо бороться»⁸. В романе «Редкие земли» (2007) этот серьезный враг российской цивилизации определен автором как «скрытнобольшевизм».

По свидетельству Джона Лукача, автора книги «Конец XX века и конец эпохи модерна», слово «цивилизация» в своем нынешнем значении — «стремление выйти из состояния варварства» — появилось в 1704 году. При этом условием идущей вперед цивилизации была смесь (но не сплав) аристократии и демократии. В начале тысячелетия «наши задачи и наши проблемы другие: как предотвратить скатывание в новое варварство»⁹. Поэтому выход романа В. Аксёнова «Вольтерьянцы и вольтерьянки» (2004) рассматривается в статье в свете трехсотлетнего юбилея слова «цивилизация».

Романный Вольтер, обращаясь к «своему Ксенó», интересуется его финансовым состоянием. Ксенó отвечает, что он «достаточно богат, чтобы служить государыне без корысти». На это Вольтер восклицает: «Браво, Ксенó! Ведь ты писатель, а каждый писатель должен быть достаточно богат, чтобы не попасть в зависимость от власти». И в этом восклицании выражена не только аксёновская мечта, но и идея исторического Вольтера.

Писатель Анатолий Найман оценил роман о вольтерьянцах как «книгу о России, ищущей Запада, конкретно в лице Франции, и о Западе, воображающем себе Россию и вчитывающем в нее себя. О взаимной тяге, никогда не способной привести к слиянию... О сближении, немедленно превращающемся в отдаление, едва стороны подходят к критической дистанции между ними»¹⁰. Удивительным образом эта оценка перекликается с выводом известной вольтерьянки Марины Цветаевой, писавшей во Франции: «У нас с Францией никогда не было родства. Мы — разные. У нас к Франции была и есть любовь... Наше взаимоотношение с Францией — очарование при непонимании... Мы Франции обязаны многим... Какими-то боками истории мы совпадаем... Какие-то бока французской истории мы ощущаем своими боками. И больше своими, чем свои»¹¹. Может быть, именно этой понятой Цветаевой и Найманом «чужестью» и объясняется имя героя романа «Ксенó», то есть «Чужак».

«Западничество в России — это особое состояние ума, которое столь же влечется к Западу, сколько и желает отсрочить встречу с ним»¹², — подтверждает М. Эпштейн. Западник Аксёнов убедился в этом, «столь круто рванув на Запад, что проскочил круглое пространство и опять попал на Восток, в Россию»¹³, и написал в начале XXI века роман о России XVIII века.

Не только этим романом, но и стилем своей собственной жизни Аксёнов опровергает горькие утверждения Пушкина («Мы ленивы и нелюбопытны») и Чаадаева («В нашей крови есть нечто, враждебное всякому истинному прогрессу») ¹⁴. «Есть в Империи малая, но умственно вельми передовая кучка, коя жаждет слияния с мыслительными кругами Запада, чая в оном слиянии наиграндиознейшие выгоды реформ», — утверждает Аксёнов в романе. Молодые герои романа (помощники и едва ли не сыновья Афсиомского) — «витязи незримых поприщ» Николай Лесков и Михаил Земсков — «щепетинствуют, небрежно куртуазные», показывают самих себя, новое поколение российских европейцев, а не каких-нибудь свинтусов, кои рисуются в Париже при слове «русский». Кроме того, они умеют ценить в людях удивительную сообразность и простоту самого высшего качества». Результатом их миссии в Париж (помимо встречи с Вольтером) было и то, что «здесь в Париже восхищены поколением русских, кои так невероятно расширили границы Европы».

По мнению Василия Аксёнова, «зеркала русского либерализма»¹⁵, «та ситуация» «поразительно совпадает с нынешними разговорами о создании либеральной империи». Нам не хватает такого, как Вольтер: «демиурга, а не философа», «неотразимого человека огромной созидательной силы», «духовного лидера, который сдержит своим обаянием революцию и будет чувствовать социальную справедливость», и при этом «немислимого пиарщика»¹⁶.

В середине XVIII века в России возник жанр утопического романа, творцами которого были европейски образованные придворные Екатерины II; многие из них были первыми русскими масонами. Романы Сумарокова, Хераскова, Чулкова, Львова, Щербатова имитировали стиль и композицию знаменитых сочинений Руссо, Вольтера, Ричардсона, но были «насыщены антизападными сентиментами, если не чистой враждой к Европе»¹⁷. Интерес русских к западной науке в этих романах осмеивается и противопоставляется православию, что очень напоминает советское «низкопоклонство перед Западом». В романе Вольтеру докладывают о том, что «все упомянутые вельможи пишут романы в стиле Вольтера, но с антивольтеровским пафусом».

Аксёнов усмотрел именно в этом начало антизападнической традиции: если изображалась в этих романах западная страна, то под именем «Игнорация» или «Скотиния», если славянская — то «Светония». В статье

«О судьбе романа...» В. Аксёнов пишет: «Полемически заостренные сочинения с ядовитым сарказмом изображали коррумпированное западное общество и противопоставляли ему счастливое, гармоническое общество славов, где крестьяне радостно работают на мудрых хозяев, которые, в свою очередь, боготворят величественную, мудрую и бесконечно благодетельную Правительницу. Учитывая тот факт, что главным читателем Империи была Екатерина Вторая, это массированное вливание идеологических утопий было похоже на заговор. Богатые латифундисты старались повлиять на императрицу, ведущую активную переписку с Вольтером и другими энциклопедистами, и предотвратить отмену крепостного права». «Вольтер, впрочем, никогда не высказывался против крепостного права»¹⁸, — добавляет тут же Аксёнов, а в романе пишет: «среди великих Ея мечтаний наивеличайшим является мечтание сделать развитие России вкладом в человеческое просвещение», но «утопия просвещенной монархии тонула в море жестокости».

Видимо, в противопоставление описанным утопическим романам появились русские романы XIX века, рожденные «байронической страстью к самовыражению». «Их появлению способствовала демиургическая суть байронизма»¹⁹, по предположению Аксёнова. Не случайно байронизм Пушкина, настоящего просвещенного европейца, *the man of letters*²⁰, Аксёнов называет «чистопородным».

Герои романа «Вольтерьянцы и вольтерьянки» Коля и Миша — «предтеча байронизма» — были отцами декабристов. А это значит, что в преклонном возрасте («за байронической фазой» русской культуры) они познакомятся с тем, что «мы называем русской интеллигенцией». «Эти властители дум были позитивисты, что противоречит байроническому складу»²¹. Теперь Миша Земсков, который в конце романа стал новым «альтер эго» Аксёнова, выражает мысли автора: «Интеллигент без религии может разнести общество на куски», «Любая война, пусть самая справедливая, — это открытое злодеяние», «Пусть Господь меня простит за утверждение прав мыслящего меньшинства, за попытку борьбы против ортодоксии и нетерпимости!»

В. Аксёнов уверен в том, что «либерализм в России обязательно возродится», а «если в России новая интеллигенция начнет возникать, она будет все-таки не позитивистской, а байронической»²². Одного из таких современных байронических интеллигентов Аксёнов видит, например, в М. Ходорковском.

Получив премию Букер за роман «Вольтерьянцы и вольтерьянки», В. Аксёнов в своей лауреатской речи выразил благодарность не только жюри, но и «нашему узнику»²³ М. Ходорковскому, который с 2002 г. спонсировал премию «Букер — Открытая Россия».

Резюмируя сказанное, сначала напоминаю об аксёновской догадке: во времена пугачевского бунта была создана «могучая антизападная идеология», результатом которой стал отказ Екатерины II проводить свои реформы. В романах того времени Аксёнов обнаружил начало «противопоставления торгашеского духа Запада и высокодуховной России, которое сейчас доходит до абсурда». В настоящее время «наши вельможи не пишут антизападных утопических романов, однако они, сознательно или подсознательно, создают общественный климат, снова звучат "песни о главном" (то есть об «особом пути» России, о его «несовместимости» с западным). «С приходом западного большого бизнеса нарушится основа основ нынешнего, вполне уже устоявшегося российского "капитализма", а именно все та же, существовавшая еще и при самом свирепом социализме круговая порука»²⁴, — эти аксёновские слова, написанные восемь лет назад, объясняют пристальное внимание власти к байроническому интеллигенту и вольтерьянцу М. Ходорковскому.

Центральные персонажи именно такого типа действуют в романах В. Аксёнова «Кесарево свечение» (2001) и «Редкие земли» (2007). Слава Горелик и Ген Стратофонтов — «богатые и негады» — мечтают употребить заработанные деньги для преобразования человеческого рода, преобразования России²⁵. Конфликт положительных героев нового типа (один из псевдонимов филантропа Гена Стратофонтова — Эталонов) в обоих романах происходит с приверженцами нецивилизованного «скрытнобольшевизма», то есть с лицемерными выразителями «антивольтеровского пафуса», хорошо знакомого, но глубоко чуждого Василию Аксёнову.

¹ РПЦ определила цель Русского пен-центра как «разрушение России». Имя В. Аксёнова начинает писательскую «масонскую галерею» «разрушителей России», «мастеров государственной измены» (Платонов О.А. «Терновый венец России». М., 1995. С. 404).

² Пахсарьян Н.Т. «Ирония судьбы» века Просвещения: обновленная литература или литература, демонстрирующая «исчерпанность старого»? // Зарубежная литература второго тысячелетия / под ред. Л.Г. Андреева. М., 2001. С. 75.

³ Ходасевич В. Державин. М., 1988. С. 165.

⁴ См. об этом: Лотман Ю.М. Роман Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1983. С. 179.

⁵ Лучший в стране джаз звучал в Казани с 1948 году, когда оркестр Олега Лундстрема из Шанхая приехал в Казань. В. Аксёнов не раз признавался, что не было бы «Острова Крым», если бы не джаз в исполнении этого уникального оркестра.

⁶ Балашов Ю. Возвращение Василия Аксёнова со товарищи // Казань. 2007. № 12. С. 6.

⁷ В 2005 году В. Аксёнов получил французский орден «Кавалер искусства и литературы».

⁸ Аксёнов В. Все на защиту цивилизации! // Итоги. 2002. 8 окт. С. 64.

⁹ Лукач Д. Конец двадцатого века и конец эпохи модерна. СПб., 2003. С. 239—241.

¹⁰ Найман А. Независимая газета. 04.03.2004. URL: http://exlibris.ng.ru/subject/2004-03-04/1_aksenov.html

¹¹ Цветаева М. Живое о живом // Цветаева М. Собрание сочинений в 7 т. М., 1994. Т. 4. С. 212.

¹² Эпштейн Ю. Народ и держава // Из Америки. Все эссе: в 2 т. Екатеринбург, 2005. С. 160.

¹³ Попов Е. Аксёнова весело читать. Предисловие // Василий Аксёнов. Собрание сочинений в 5 т. М., 1995. Т. 5. С. 9.

¹⁴ Чаадаев П. Я. Философические письма. Письмо первое // Статьи и письма. М., 1989. С. 47.

¹⁵ Вайль П., Генис А. Предисловие // Василий Аксёнов. Собрание сочинений в 5 т. М., 1995. Т. 3. С. 5.

¹⁶ Аксёнов В. Квакаем, квакаем... Предисловия, послесловия, интервью. М., 2008. С. 184—188.

¹⁷ Аксёнов В. Чудо или чудачество. О судьбе романа // Октябрь. 2002. №8. С. 175.

¹⁸ Там же. С. 175.

¹⁹ Там же. С. 176.

²⁰ Аксёнов В. Логово льва // Зеница ока. М., 2005. С. 360.

²¹ Аксёнов В. О вождах и красавицах // Московские новости. 2004. № 3. С. 19.

²² Аксёнов В. Квакаем, квакаем... С. 206.

²³ Ходнев С. Приключения вольтерьянцев в «Открытой России» // Коммерсант. 04.12.2004. С. 8.

²⁴ Аксёнов В. Старые песни о глупом // Зеница ока. М., 2005. С. 141.

²⁵ Одним из объектов, нуждающихся в защите и материальной помощи аксёновских филантропов, становятся, например, толстые журналы.

